

Наталья Волохина

Хотим сожрать мир

Фантасмагория

Наталья Волохина

**Хотим сожрать мир.
Фантасмагория**

«Издательские решения»

Волохина Н.

Хотим сожрать мир. Фантасмагория / Н. Волохина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858989-8

Фантасмагоричная, страшноватая сказка про жизнь человечества после смерти, после Конца времен. И хотя есть в сказке существа необычные, люди по-прежнему люди. А потому любовь и ревность, верность и предательство, зависть, даже убийство — всё имеется. Сдобрено толикой юмора, приправлено щепоткой сарказма. Пробуйте.

ISBN 978-5-44-858989-8

© Волохина Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ЧАСТЬ 1. КРАСИВАЯ И ВКУСНАЯ	7
Красивая – вкусная	8
Лягушонок	10
Опарыши	12
Кладбище – огород	13
Стычка	14
Рыжий	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Хотим сожрать мир Фантасмагория

Наталья Волохина

«Коан заставляет нас съехать с проторённой колеи. Можно сказать, что «треугольник в представлении шара – это коан»

...Существует ли Вселенная, если в ней нет разумных существ?

Светло ли от черного света?

Существует ли иллюзия?»

(Б. Вербер «Тайна богов»)

Иллюстратор Волохина Наталья

© Наталья Волохина, 2019

© Волохина Наталья, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-8989-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Фантасмагоричная, страшноватая сказка про жизнь человечества после смерти, жизнь после Конца времен.

Как погиб мир, как устроен быт выживших людей – намеренно дается пунктиром, оставлено каждому читателю для собственного творчества. Но предположение, отчего мир может погибнуть, гибнет уже сегодня, автор оставил за собой.

Мыжигаем материальное и духовное, превращая мир в руины отбросов. И духовное разнузданное обжорство, влекущее за собой материальное, – реальная причина центростремительного движения последней цивилизации в тартарары. Что сохранит, если выживет, современный человек, с чего начнёт отсчет, главное, сможет ли проторить другую дорожку или запустит новый цикл старой программы? Ответ на главный вопрос отдаю на откуп читателю, предоставляя себе возможность высказать робкие предположения, одобренные надеждой.

Наталья Волохина.

P. S.

И хотя есть в сказке существа необычные, люди, по-прежнему, люди. А потому – любовь и ревность, верность и предательство, зависть, даже убийство – всё имеется. Сдобрено толикой юмора, приправлено щепоткой сарказма. Пробуйте.

Наталья Волохина.

ЧАСТЬ 1. КРАСИВАЯ И ВКУСНАЯ

Красивая – вкусная

Послышался треск сучьев и тяжелые шаги. Кто-то огромный пёр напролом сквозь чащу. «Медведь!» – напрягся Вепрь, но услышал голоса и ослабил руку, сжимавшую приклад карабина. Разговаривали двое. Басовитый бубнил медленно и невнятно, четко проговаривая лишь слово «вкусная-я-я», дискант строчил, как из пулемета, но почти все слова были ясны, хотя одно тоже выделялось особенно.

– Ой! Птичка, какая смешная – серенькая, шустрая! Смотри – смотри! КРАСИВАЯ-Я-Я!

– Перепелка! – «взрослым» голосом поучал толстяк (Вепрь почему-то решил, что бас – толстяк). – Вон сколько их, малявок, в траве! Вкусные-е-е!

Охотник по-прежнему не видел собеседников, только по шумам догадываясь, где они сейчас. Треск сменился шлепками по воде и взвизгиваниями меньшого, должно быть, от летевших брызг.

– Посмотри, какая рыбка красивая-я-я! – заливался он.

– Форель красивая рыба, – согласился старший и добавил со вздохом, – вкусная-я-я!

– Топ, а солнце красивое? – поинтересовался маленький.

– Красивое, – привычно подтвердил Топ.

– А вкусное? – не отставал малыш.

– Вкусное, – согласился великан и тут же зашелся громким, каркающим смехом.

– Вот балда, – отсмеявшись сказал он, – солнце несъедобное. Да и не достать его, оно, знаешь, как высоко.

Маленький немного посопел и возразил обиженно:

– Ты же сам говорил, все, что движется – живое и его можно съесть, а солнце движется.

– Ишь ты! Сообразил! – удивился Топ.

И тут он их увидел. Вернее, его. Топ действительно оказался большим и толстым. Безразмерный комбинезон защитного цвета делал фигуру хозяина похожей на бронетранспортер, а непропорционально маленькая лохматая голова, казалась на ней чужеродным предметом. Но куда подевался второй? Сколько Вепрь ни таращился, малыша рассмотреть не мог. Шевельнуться, сменить позу ему даже в голову не могло прийти. С первого взгляда стало ясно, с Топом шутки плохи. Не смотри, что так нежно воркует с меньшим. Сожрать не сожрет, но прихлопнет конкурента, как перепелку. «А может, я и вкусны-ы-ы-й», – усмехнулся охотник.

– Нет, пока всю живность в округе не сожрет, на человечину не перейдет. А про солнце-то, хоть и посмеялся, но задумался – нельзя ли откусить. Где же, все-таки, маленький?

Хотя наблюдавший не издал ни звука, толстяк насторожился, замер, прислушался, потянул носом воздух. Но охотник тоже был не новичок. Сидел неподвижно, бесшумно, под ветер в сторону от гиганта. Не обнаружив ничего подозрительного, тот снова заговорил:

– Вишь, показалось.

– Что показалось? – непонятно откуда спросил писклявый.

– Вроде есть кто-то.

– Кто? Зверь?

– Не знаю, зверь или...

– Вкусный? – перебил малыш.

– Наверное, вкусный, – согласился Топ.

– Значит, может и сожрать, – пошутил сам с собой Вепрь.

Живая гора неожиданно быстро двинулась в его сторону и оказалась совсем рядом. И тут тертый калач Вепрь похолодел. Никакого второго не было – и басом, и дискантом толстяк говорил сам с собой.

– Псих! – ужаснулся Вепрь. – Такой страшнее всякого. Это он про себя маленький, умильный да пушистый! Значит, снаружи постоянно доказывает второму, меньшому, беспомощному, какой он сильный, главный, агрессивный. Оторвет башку, потом пожалеет, вот, мол, попался глупенький, непутёвый, красивы-ы-ы-й, вкусны-ы-ы-й.

Озноб прокатился по телу волной, но Вепрь не пошевелился. Топ постоял еще немного в опасной близости от схоронившегося, развернулся и зашагал прочь. Снова затрещали ветки и потек разговор на два голоса. Всё стихло, но человек в засаде еще минут сорок изображал бревно. Наконец, вылез, подошел к ручью и долго пил, склонившись к самой воде, как пьют загнанные животные, спасшиеся от погони.

Лягушонок

Сверху скатился камешек. Вепрь вздрогнул, мгновенно обернулся, одновременно вскинув карабин.

– Ты чего такой дерганый, будто медведя встретил? – насмешливо спросил Лёха.

– А ты зачем подкрадываешься?

– Да не подкрадывался я вовсе. Кто тебя так напугал, неужто, в самом деле, медведь.

– Этот пострашней медведя будет. Здоровенный, как самоходка, и сам с собой разговаривает.

– А-а-а... Дикого Топа встретил. Тут есть с чего струхнуть. Повезло тебе, а то ведь он не чикается, прибьёт зараз, имечко не спросит.

– Да понял я.

Знакомой тропой охотники двинулись в сторону поселения.

Как ни странно, единственным выжившим крупным зверьем после Конца времен были медведи. Считали они себя в лесу хозяевами, а охотников пришлыми врагами на своей территории. Потому схватки были всегда насмерть, кто кого. Говорили, правда, что где-то, ну, очень далеко, обитал тигр, но никто из местных его не видел. То ли враки, то ли не дошёл никто. А может, пообедали тем, который дошел.

К людскому жилью медведь подходил редко, в самую голодную весеннюю пору. Но больше понюхать съестные запахи. Добыть у человека было нечего. Детишек берегли пуще глаза, а еды у самих, что в лесу найдут. А что там есть ранней весной – кора, трава, корешки. Бабы умудрялись стряпать из подножного корма, а дух снеди жир медвежий давал, добавленный скупо в стряпню.

Медведь тянул носом, злобно ворчал и шел прочь, к речушке, в надежде на рыболовную удачу. И на воде у них с поселенцами конкуренция. Надо успеть, пока рыбаки мордушки не поставили. Но рыбы мало, крупной почти нет, не расплодился еще, и голодные людишки тоже спешат на рыбалку, а у них ружьё всегда при себе. Косолапый не знает пока, что патрон в нем один единственный, а то и вовсе нет. Кончились патроны у охотников. И скоро только рукопашная схватка будет решать, кто главный в лесу. Уже сейчас у каждого охотника за спиной рогатина, а стреляет он, если патрон имеет, только в самом крайнем случае.

– Мне Вигирь – шаман рассказывал, – не выдержал долгого молчания Лёха, – раньше птица здоровенная водилась, ну, вот, прямо по колено, тетерев называется.

– Врет, поди, – ты перепелку видел, с ладошку. Да и тех скоро всех этот псих пожрет, – пробурчал Вепрь.

– У него книжки есть с картинками, говорит, были такие.

– Ты книжку видал?

– Он не показывает, – вздохнул Лёха.

– То-то и оно, врёт, значит, – подытожил Вепрь.

Долго шагали молча и беспокойный Лёшка снова не выдержал:

– А хорошо было бы, если б такие водились. Поймал и всю свою ораву зараз накормил.

Вепрь молчал. Хотя ему были понятны Лёшкины мечты, у него детишек куча. Вепрю вдвоём с женой прокормиться куда легче. У поселенцев детворы мало. То ли с голоду плохо родятся, то ли со страху, что ни прокормить, ни защитить. А те, что есть, худые, квелые. Не больны вроде, но слабые, скучные, вечно голодные, вечно ищут, чего бы сожрать. Один Чудик, Лёхин сын, весёлый, шустрый, будто из другого теста вылеплен, да из другого котла хлебает. Всюду свой носишко конопатый суёт, всех вопросами донимает. Суровое лицо Вепря разгладилось, расцвело едва заметной улыбкой. Скупой на ласку поселковый народ мальчишку любит, каждый приветить старается, как умеет.

– А Чудик на прошлой неделе у матери перо перепелиное стащил, да сестре на ленту, в косу привязал, – будто уловив Вепревы мысли, со смехом вспомнил Алексей. – Ты, говорит, теперь у нас принцесса. Спрашиваю, что за слово такое? Шаман, мол, сказку рассказывал, о принцессе. Принцесса – красавица и главная дочь у родителей. Иванка у нас красавица и старшая, значит, принцесса.

Вепрь одобрительно хмыкнул, потом заметил:

– Ты бы смотрел за красавицей – принцессой, – выговорил с трудом незнакомое слово, – а то она зачастила к ручью, с водяными, лешими валандается.

– А чего, пусть. Скучно девке дома, да и кикиморы её нитку из крапивы учат прясть. Сам знаешь, нужна нитка для сети.

– Смотри, дело твоё. Только леший на неё зыркает уж никак не по-братски, – отрезал Вепрь.

– Да ты что, нежить^[i] обыкновенная, чего бояться?

– Давно ли мы с ними водиться стали, что о них знаем?

– Безвредные они, – уверено заявил Лёха, – мирно живут, помогают по-соседски.

– Эх, Леха – Леха, не зря фамилия у тебя – Кривов. Все вкривь, вкось, да кругом, а что прямо перед тобой, того не видишь.

– Да чего – чего я не вижу?! – взвился Алексей, но договорить не успел. Гомонящий клубок из ребячьих тел чуть было не сбил его с ног.

Толкнувшись в мужские колени, клубок распался, из него вывалился растрепанный Чудик, мигом заскочил отцу за спину и замер.

– Что за свалка? – шутливо – грозно спросил Лёха.

– Он наше забрал и не отдает, – жердиной встал перед мужчинами сын Тощего Дрона.

– Что забрал, почему не отдаешь, коли не твоё? – повернувшись к сыну, спросил Алексей.

– Они его съедят! А он маленький еще, – сжимая кулачок, пропищал Чудик.

– Да кого – его?

– Лягуха. Мы его поймали, а он сцапал и бежать. Наша еда, пусть отдаст, – угрюмо за метил Тощий.

– Он маленький, все равно не нажрётесь, а лягух, квакун смешной, прыгать будет. Я к мамке его отпущу...

– Ну-ка, покажи, – неожиданно вмешался Вепрь.

Ребята расступились, Чудик приоткрыл ладошку, оттуда блеснули два глаза – бусинки.

– На тебя похож, – заметил охотник.

– Я разве зеленый? – удивился Чудик.

Он раскрыл ладошку, угадывая сходство, а лягушонок прыг, шлепнулся в траву и был таков.

– У-у-у, – разочарованно взывала ребятня и бросилась шурудить в траве, но под грозным окриком Вепря замерла и послушно отхлынула.

– А кто вам в лес разрешил заходить?! А ну, марш в посёлок.

Пацанов, как ветром сдуло.

– А ты что стоишь? – пряча улыбку, спросил он Чудика.

– А я с папкой, – ответил хитрюга, ухватив отца за палец.

– Ну, раз с папкой, тогда пошли домой.

[i] *Нежить – в славянской мифологии это мистические существа без плоти и души, которые не живут как человек, но имеют человеческий облик. Но при этом, нежить вовсе не мертвецы и не привидения, а скорее категория особых существ, природных духов, таких как, например, кикиморы, водяные или лешие. Часто бывает злой по отношению к человеку, но может и проявлять доброту. Крючкова О. Е. «Славянские боги, духи, герои былин».

Опарыши

Холодная, голодная, длинная зима кончилась неожиданно, враз, будто передвинули переключатель на солнечном обогревателе до упора на «+». Солнечный свет, талая вода, дурманящий запах оголившейся земли обрушились на отощавших, измученных людей. Как медведи после зимней спячки, бродили они по весеннему лесу и жевали все чуть съедобное: наполненные сладким, живительным соком молоденькие почки, корешки, древесную кору. Скоро вокруг поселения все обглодали и двинули вглубь лесную, рискуя стать добычей оголодавшего, как и они, за зиму Хозяина. Но пока не было видно следов косолапого.

Постепенно голоса стали громче, ребячьи, не сдерживаемая окриками старших, рванула вперед, даже робкие смешки всколыхнули прозрачный, пахучий воздух. Неожиданный детский крик смёл все человеческие звуки разом. Через мгновение едва слышное дыхание леса перекрыл топот взрослых ног и треск сучьев.

Дети стояли вокруг глубокой ямы, над которой, ухватившись за еловые ветки, молча висел младший пацан Кривовых. Молчал он правильно – малейший звук, движение, обломится некрепкая опора и свалится он прямо на острые колья охотничьей ловушки. Взрослые, не говоря ни слова, выстроились, ухватив друг друга за пояс, а самый крепкий и высокий из них – Дрон – схватил мальчишку за шиворот, рванул вверх и к себе, мужчины одновременно шагнули назад. Ребенок не плакал, только никак не мог выпустить из рук ветку, вместе с которой выдернул его спаситель из лап смерти.

Наконец, люди заговорили, рассуждая между собой, чья ловушка на этой деляне, почему метки упреждающей нет, верно, чужой зашел на их территорию. И вдруг заметили, что дети по-прежнему стоят молча на опасном краю. Подошли, глянули вниз и на миг отпрянули от запаха и жуткого вида распластанного, распятого на кольях тела.

– Лехи Кривова куртка, – тихо заметил Вепрь.

Все уж и так поняли, что покойник – Лёха, ушедший зимой от отчаянья, от голодных детских глаз в стылый лес, хоть за какой-то добычей. Раньше, давно, когда еще у некоторых оставались патроны, Лешка был лучшим охотником, что ни выстрел – добыча, но теперь, кроме ножа и острого кола, ничего у него при себе не было. Не добыл, сам стал добычей, не зверя, человека, соорудившего, тоже, видно, с голоду на чужом участке смертельную ловушку.

Вепрь потянул из-за спины багор, повернулся к яме. Люди, не дожидаясь команды, снова встали друг у друга за спиной, страхуя товарища. Вепрь хотел поддеть тело за крепкий ремень у пояса, но крюк соскользнул и зацепился за куртку, охотник дернул, мужики слаженно потянули его назад, прогнившая ткань лопнула и обнажила бледно-серую голую спину. Острый крюк прихватил и рубаху, и тело. Раскрывшаяся рана кишела отогревшимися, ожившими на весеннем тепле опарышами.

Опарыши, пожиравшие мертвую плоть, сами были началом новой жизни, будущими мухами. По человеческим меркам и покойник, и опарыши выглядели омерзительно, вызвали брезгливое отвращение. А ещё был страх. Каждому из смотревших пришла одна и та же мысль: «Вот так и во мне будут копошиться...». Никто не вспомнил, конечно, как разводили опарыша, ловили на него рыбу, да и на ту же муху ловили и не брезговали, и рыбу ели с удовольствием. А рыба, как известно, могла сожрать их самих, окажись они в утопленниках. Но философия эта хороша за рюмочкой, под закусочку, коль найдется, а когда ты сам, сию минуту, хоть и мысленно, становишься порченным мясом, едой отвратительных личинок, тошнотный комок в горле самый убедительный аргумент.

Уходили из дому охотниками, возвращались добычей. Мало что добыли люди в печальном походе, но не до жиру, быть бы живу.

Кладбище – огород

- Смотри! Там, внизу, люди! – Толстяк замер на месте. – Голые все.
- Не люди это, – отозвался Вепрь.
- Точно люди, на огороде каком-то.
- Вот именно, каком-то. Кладбище это.
- Чо не закопали, сверху оставили? Почему не сгнили, зверьё не объело?

Они спустились в ложбину. На небольшом, ровном участке земли в одинаковых позах – на коленях, с поднятым к небу лицом – сидели голые, мертвенно-белого цвета люди. Глаза открыты, тела неподвижны. Зеленые побеги, растущие из покойников, сквозь покойников, выглядели дико и страшно.

– Мертвяки? Почему не зарытые, голые, сидят почему? – сыпал вопросами обычно флегматичный и молчаливый Толстяк.

– После Конца времен все, как могут еду добывают, – неохотно ответил Вепрь. – Их ещё живыми тут оставляют. Кормят специально плодами с семечками вместе, потом сажают в позу, при которой дерьмо выходит без помех, а семена, внутри у них проросшие, в человеческом навозе быстро укореняются и питаются телом, как удобрением. Огород – ты прав, только на кладбище. Плоды, кстати, красивые вырастают и вкусные-е-е, на грушу похожи.

– Груша – это что? – по привычке спросил ошарашенный Толстяк.

– Груша? Ну, как бы тебе объяснить? Как ягоды лесные, только большие, с кулак, и сладкие.

– Из них ягоды вырастут, сладкие-е-е? – недоверчиво протянул Толстый.

– И впрямь, пока растёт, не очень похоже на то, что они сожрали, – кивнул Вепрь.

Действительно, ростки были блеклые, кривые, узловатые. Где уж тут «грушам» завязаться. Но уродцы упрямо тянулись хилыми веточками вверх, стебли крепили и утолщались прямо на глазах.

– Если бы хоть какие-то глаза тут были, – мелькнуло у охотника. – Действительно, где же люди, огородники где? С той стороны никакого поселения нет.

– Пошли, посмотрим, наверное, посёлок за другим холмом.

– Сейчас пойдем, днем? – изумился Толстяк.

– А что толку прятаться? Их сторож нас давно засёк. Да мы и не взяли ничего, урожай-то еще не поспел, – саркастически заметил Вепрь, кивая в сторону «кладбища – огорода».

Охотники на всякий случай перехватили в правую руку крепкие рогатины, цепким взглядом окинули друг друга – не ослаб ли пояс, на месте ли крюк – и плечом к плечу зашагали вверх по противоположному склону, навстречу «огородникам».

Стычка

Так уж случилось, что Вепрь с Толстым оторвались от своих, взяв сильно в сторону по тропе, и нечаянно попали на землю «огородников». С огородниками, как в старые времена, с нежитью, никто не водился, ими пугали детей, на их территорию не ступали ни ногой. Ходили обоснованные слухи, что именно из пойманных чужаков те самые, жуткие «огороды». Что сначала запирают они пленников в клетки, как зверей, морят голодом, а после кормят «грушами» вместе с семенами. Семена, будто бы, сами приживаются у человека внутри и прорастают, а как прорастут, он уж не может шевелиться, потому и не боится, что убежит, и несут на огород. Там в страшных муках умирает несчастный, пожираемый заживо ростками – убийцами.

А не свернул Вепрь в сторону, потому как знал – за ними погоня увяжется, и предпочел встретить противника лицом к лицу. Да и не в его правилах убежать.

Действительно, у подножия соседнего холма лежало, как на блюде, поселение, очень похожее на их собственное. Тесным полукругом стояли бревенчатые дома с земляными односкатными крышами, кое – где прилепились землянки. В середине полукруга, на утрамбованной площадке, шевелилась и гудела небольшая толпа.

– Похоже, заждались нас людоеды, – невесело пошутил Вепрь.

Толстяк вздрогнул.

– Думаешь, сожрут?

– Сожрать не сожрут, но посадить и окучить могут.

– Я живым не дамся, – обозлился Толстый.

– Погоди помирать, может, обойдётся.

Но народ внизу, похоже, был иного мнения.

Когда охотники спустились, стало ясно, что местные не ожидали такой наглости или смелости и держались настороже. Тем более, что сильных, способных взять медведя на рога, охотников, с наскоку тяткой не пришибить. «Гости» встали спина к спине и молча смотрели на притихших поселенцев. Наконец, один из них настороженно спросил Вепря:

– Зачем пожаловали? Дело есть или заблудились?

– Мы не дети малые, чтобы плутать, – с нажимом на «малые» ответил Вепрь. – Дело есть. Сдаётся нам, что вы из нашего охотника саженец сделать собираетесь, вот мы и решили проверить.

Вепрь блефовал. Никто у них не пропадал после Лехи Кривова, а тот погиб в другом месте. Но видно попал в точку. Вожак дернулся, но спохватившись, постарался сохранить уверенное выражение на подвижном, узком лице.

– Вдвоём решили проверить? – злобно шурясь, спросил он.

– Отчего вдвоем? Наши там, в лесу, за холмом. Зачем всей оравой вваливаться незваным гостям. Авось, договоримся, – угрожающе закончил Вепрь.

И снова он блефовал. Но точно знал, не успели ещё местные разведку провести. Слишком уж неожиданно они с Толстяком появились и слишком уверенно себя вели.

Вожак подобрался ещё больше, но произнёс примирительно:

– Отчего не договориться, договоримся. Только ваших у нас точно нет.

– Может, посмотрим, – охотник кивнул в сторону построек.

– Ну, зачем утруждать? Мы вам сейчас их покажем, вы убедитесь, что вашего тут нет, и уйдете. С миром, – выделил последнюю фразу огородник.

Верховод кивнул двум мужикам, стоявшим у него за спиной, те скрылись в ближайшей землянке и выволокли наружу двух человек. Если бы не нагота, невозможно было бы определить мужчины перед ними или женщины. Распухшие, безобразные, покойнического цвета тела, как у тех, на кладбище, бессмысленные от боли глаза. Но самое жуткое впечатление произ-

водили, торчащие по всему телу бледно-зеленые ростки, казавшиеся, более живыми, чем их «горшки».

– Ну, что я говорил, ваших здесь нет, – насмешливо произнес Вожак, заметив побледневшие лица пришлых.

– Нет, – подтвердил Вепрь, подавляя рвотный позыв. – Только откуда я знаю, что ты мне всех показал.

– А нам прятать нечего. Они, рано или поздно, все на огороде будут, на виду. Нам проблемы ни к чему. Мы с соседями мирно живем.

Вепрь молча кивнул, и двинулся было в сторону кладбища, но неожиданно круто развернулся, заметив, как Вожак кивнул подручным:

– Даже не думай. Дорогу найдем, не заблудимся, а неприятности, ты сам сказал, тебе не нужны.

Приспешники шагнули назад. В полной тишине охотники проделали обратный путь по холму наверх, напряженно чувствуя спиной недобрые взгляды. Холодея, прошли мимо страшного огорода и скрылись в лесу.

Рыжий

Тощему Дрону снился странный сон.

Обычно снился голод – здоровенный червяк, сосущий скудный Дронов ужин у него в животе. Иногда страдалец пытался паразита выплюнуть, иногда прибить, бухаясь с размаху пузом на камень. Никогда не получалось. И дерзкая тварь хохотала, жутко причмокивая беззубой пастью, вспучивалась болотным пузырем. Дрон просыпался от ужаса и боли в брюхе.

Но нынче снился конь. Откуда-то Дрон знал, что конь, хотя отродясь их не видал. Золотисто-рыжий жеребец бархатными черными губами пощипывал молоденькую травку в огороде, за тещиним домом. Дивная челка, роскошная грива и хвост так и переливались на солнце. Странно, что вовсе он Дрона не боялся и не убежал, даже когда охотник подошел совсем близко. Но больше всего сам себе удивлялся Дрон. Не тому, что его червяк не беспокоит, а что не пытается он поймать диво-коня, не думает о нем, как о еде.

– Красота-то какая! – пришли на ум незнакомые слова.

И в первый раз за последние годы стылая, тянущая боль под ложечкой сменилась ровным, приятным теплом.

– Будто чаю с мёдом напился, – снова чужими словами порадовался Дрон.

Конь жевал себе, не обращая внимания на «растаявшего» человека, только чуть дрогнул кожей, когда тот положил тихонько ладонь ему на шею.

– Таким только любоваться. Любо...

Взгляд рыжего, обращенный в себя, вдруг отозвался у Дрона пронзительной мыслью:

– Да разве ж кто-нибудь кого-то любит?! Ведь нет ничего! Ничего нет!

И тут же знакомая боль скрутила кишки узлом. Но Дрон, почему-то, испытал облегчение.

Про сон никому не рассказал. Только спросил при случае у опытного Вепря, видел ли тот живого коня.

– Видел однажды рыжего красавца. Тебе зачем?

– Вот бы посмотреть, – мечтательно пропел Дрон.

– Не получится, больно уж далеко отсюда. И поймали его, скорей всего, тамошние охотники, да съели.

– Съели! – ужаснулся доходяга. – Красоту такую!

– А ты почему знаешь, что красоту, ты ж не видал?

– Ты сам сказал «красавца», – оправдался Дрон.

– Да, голод не тётка, озвереешь, брат. А ты с чего про коня заговорил? Знаешь что, слышал от кого?

Дрон молча отрицательно покачал головой. Боялся – голос выдаст.

Однажды на привале, после длинного перехода, бухнул Дрон и вовсе несусразное:

– А ты, Вепрь, жену свою любишь?

Сдержанный Вепрь изумленно уставился на товарища. Долго разглядывал с интересом, наконец, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.